

Антон Лаптев

Рецензия на книгу:

Булдаков В. П. Страсти революции:

Эмоциональная стихия 1917 года.

М.: Новое литературное обозрение, 2024

(электронная версия)¹

Лаптев Антон Константинович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт региональных исторических исследований Факультета гуманитарных наук, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». aklaptev@hse.ru

Laptev Anton Konstantinovich, PhD (History), Researcher, Institute of Russia's Regional History, Department of Humanities National Research University Higher School of Economics (HSE University). aklaptev@hse.ru

Сейчас в исторических исследованиях очевиден запрос на поиск методологических подходов, позволяющих описать события прошлого с новой стороны. Одним из таких направлений выступает история эмоций. Историки обращаются к рассмотрению эмоциональности и эмоциональных нарративов по крайней мере с 1980-х гг. Однако при этом они сталкиваются с проблемой неопределенности самого понятия «эмоция». В этом споре об эмоциях долгое время выделялись два основных направления: универсализм (эмоции универсальны) и социальный конструктивизм (эмоции конструируются социальной

1 Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

средой)². Интересную метафору в этом отношении предложил Ян Плампер: он сравнил историка, обращающегося к категории «эмоция», с канатоходцем, балансирующим между двумя подходами, указав, таким образом, на отсутствие устойчивости в предметном поле³. Все это описывает и главную проблему направления — риск интерпретационной перегруженности, явное или не вполне осмысленное стремление «подогнать» аргументы под заранее определенный вывод.

Книга Владимира Булдакова «Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года» уже в самом названии фиксирует обращение к оптике эмоциональности для интерпретации событий февраля — октября 1917 г. в России. Автор и в прошлом работал со схожей тематикой⁴. Если посмотреть на список работ В. П. Булдакова, посвященных изучению эмоций, то можно предположить, что автор хорошо разбирается в методологии истории эмоций, а книга «Страсти революции», вышедшая в 2024 г., представляет собой работу, которая зиждется на качественной доказательной базе. Очевиден и предполагаемый интерес со стороны читателя — нельзя не признать, что тема эмоций (или страстей, как это формулирует автор) действительно позволяет более полно увидеть картину революционного 1917 г. в России.

Отметим, что книга выпущена в рамках научно-популярной серии «Что такое Россия?» и адресована, как замечает сам

- 2 См. об этом: Ortony A. Are All “Basic Emotions” Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct // *Perspectives on Psychological Science*. 2021. № 17(2). Р. 1–21.
- 3 Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. С. 4.
- 4 См.: Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920–1930. М.: РОССПЭН, 2012; Он же. Слухи, эмоции, большевизм // *Вестник Тверского государственного университета*. 2023. № 3. С. 5–21; Он же. Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918–1920 гг.) // *Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917–1922*. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 321–337.

В. П. Булдаков, «читателю, далекому от академических штудий»⁵. С одной стороны, это вполне оправдывает свободу автора в выборе простоты изложения материала и весьма скромную для такой работы библиографию (14 работ от 10 авторов). С другой стороны, обращение к истории эмоций все-таки обязывает прибегнуть к устоявшейся методологии и, возможно, терминологии, не полагаясь на личную интуитивную интерпретацию тех или иных понятий и терминов. Автор также едва ли свободен здесь от обязательства обращаться к профильным работам по указанной теме, пусть даже они не представлены — в рамках формата книги — в библиографическом списке.

Работа В. П. Булдакова, состоящая из более двух десятков глав, выстраивается вокруг ключевого тезиса, согласно которому в период сильных потрясений для общества на первый план выходит эмоциональная составляющая и эти коллективные эмоции определяют поведение социума.

Начало повествования, озаглавленное «Переворот или саморазложение власти?», завязано на событиях февраля 1917 г., где автор исследует причины февральской революции и падения самодержавия. По мнению Булдакова, «уловить подлинный смысл событий не удастся до сих пор»⁶. За этим следует череда глав об основных акторах событий 1917 г. — от Николая II и А. Ф. Керенского до солдатских комитетов, Петроградского совета и Съезда рабочих и солдатских депутатов. При этом, описывая события от февраля к октябрю, автор предлагает читателю рассуждение о том, что «власть формировалась методом своеобразного “напыления” достаточно случайных людей на призрачные символы»⁷.

Разворачивая хронологию событий, Булдаков перемещается и в тематическом отношении. В книге можно обнаружить отдель-

5 Булдаков В.П. Страсти революции: Эмоциональная стихия 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2024. С. 14.

6 Там же. С. 27.

7 Там же. С. 48.

ную главу, посвященную описанию расправ над представителями так называемой контрреволюции (глава «Мартовские расправы»), где центральное внимание сосредоточено на коллективных эмоциях масс и анализе ожесточения людей в марте 1917 г. Автор предметно останавливается на офицерах как социальной группе, наиболее пострадавшей в этих столкновениях. В книге есть страницы о национальном вопросе — в главе «Переокраска фасада власти» Булдаков повествует о событиях весны — лета 1917 г. в Киеве и «украинизации» как политических сил, так и войск в регионе. Имеет место и попытка анализа политической риторики эпохи (В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, А. В. Луначарский и др.) как движущей силы радикализирующихся масс (главы «Пасхальный сюрприз Ленина», «Нищета “государственных” умов» и «Призрак военной контрреволюции»).

Итоговые главы предсказуемо посвящены событиям октября 1917 г., приходу к власти большевиков и той фрустрации (в формулировке автора — «тревожному раздумью»⁸), которая наступила после падения Временного правительства. Булдаков описывает ощущения современников сразу после «большевистского переворота», обращаясь к рассмотрению эмоционального аспекта. В заключение автор рассуждает об «исторической психике народа» и фактически назначает разгул страстей и главной причиной, и основным содержанием революционных событий 1917 г.

В процессе чтения книги у читателя возникают вопросы, количество которых нарастает по мере продвижения по тексту. Введение имеет весьма претенциозное заглавие, указывающее на то, что мы не знаем, не можем осмыслить собственной истории, — «Почему мы не понимаем своего прошлого?». Далее читатель встречает набор разнородных высказываний относительно истории как науки в целом и революционном 1917 г. Так, автор указывает, что «мы пребывали во власти надуманного идеологи-

ческого клише... старые идеологические подпорки из области социально-экономической и политической истории сохранились... С их помощью продолжается обольщение обывателей»⁹. Булдаков подробно рассуждает о роли эмоций для исторического познания. «Историю мы “потребляем”, выкрасив ее в цвета *нашего* (здесь и далее курсив оригинала. — *Прим. авт.*) сегодняшнего бытия и нынешних эмоционально-этических предпочтений. По меркам современности идеи революции кажутся нам нелепыми, ценности — ложными, страсти — поддельными»¹⁰. Возможно, такое суждение уместно в рамках обывательской логики, но для любого исследователя очевидна ограниченность таких воззрений. Эмоции, безусловно, играют важную роль в восприятии прошлого, но историческое познание требует учета контекста, в котором возникали идеи, ценности и мотивации людей прошлого. Историк должен стремиться к пониманию логики эпохи, а не проецировать на нее современные взгляды и оценки. Именно это позволяет избежать анахронизмов и раскрывает сложность исторических процессов. При этом Булдаков пытается изучить эмоции прошлого на основе чувственного подхода: «Единственный способ преодолеть этот недостаток — вчувствоваться в прошлое, проникнуться страстями людей *того* времени. Это не столь сложно, если попытаться охватить основную массу личных свидетельств очевидцев, не разделяя их на “наших” и “чужих”»¹¹. Очевидно, перед нами человек, не знакомый с методологией истории эмоций и не осведомленный о таких понятиях, как «эмоциональный режим»¹² и «эмоциональное сообщество»¹³.

9 Там же. С. 9.

10 Там же. С. 10.

11 Там же. С. 11.

12 Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001.

13 Rosenwein B.H. Worrying about Emotions in History/The American Historical Review. Vol. 107. 2002. P. 842.

Основная часть работы начинается с реплики В. П. Булдакова, что «всякую революцию сопровождает особая психическая аура»¹⁴. Это утверждение далее не получит своего развития — автор либо стремится создать для читателя атмосферу непостижимости и загадочности хода исторических событий, либо подталкивает читателя к восприятию русской революции в конспирологическом ключе. Вот лишь несколько примеров.

На протяжении всего текста Булдаков занимается упрощениями, зачастую искажающими смысл тех или иных политических теорий, в частности марксизма. По его мнению, «согласно “единственно верной” марксистской теории, империалистический мир объективно двигался к собственной гибели — оставалось только помочь ему в этой “исторически-прогрессивной” задаче за его же деньги»¹⁵. Но ведь деньги в марксистской теории — это форма меновой стоимости, зависящая от затрат труда, а капитал формируется за счет отъема «империалистическим миром» прибавочной стоимости. Таким образом, у «империалистического мира» не могло быть его собственных денег — это были деньги, отнятые у рабочего класса. В некоторых ситуациях автор открыто манипулирует фактами и настойчиво навязывает читателю свою точку зрения. Например, Булдаков утверждает: «Новые идолы вырастали из людского воображения, навеянного опытом былого авторитаризма и навязанного им общинного самоуправления»¹⁶. Заметим, что общинное самоуправление являлось вполне органичным и естественным механизмом управления для традиционной крестьянской среды, откуда выходили рабочие, частично переносившие принципы общинности в новую среду. Логично, что не воображение, а именно условия материальной жизни лежали в основе социальных установок этих людей. Одновременно с этим встречаются моменты, когда В. П. Булдаков, сам охвачен-

14 Булдаков В. П. Страсти революции. С. 15.

15 Там же. С. 174.

16 Там же. С. 48.

ный неведомой стихией эмоционального хаоса, впадает в непоследовательность и, высказывая один тезис, уже через несколько страниц опровергает его, забыв о том, что написал ранее. Так, рассуждая об управлении революционными событиями и лидерах революции, автор пишет: «Ротация революционных лидеров происходила вовсе не по уму и талантам мирного времени. Они словно взлетали на людских эмоциях, которые со временем сдували их с политической сцены»¹⁷. Тезис, как представляется автору, хорошо описывает столь важную для него ключевую роль эмоций масс в управлении революцией. Но буквально через несколько предложений Булдаков уже пишет о том, что «в Исполкоме Совета преобладали и идейно господствовали меньшевики. Это приобрело поистине роковое значение для судеб революции — направлять ее ход взялись упорные и искренние политики доктринерского склада»¹⁸. Такие противоречия «рассыпаны» по тексту во множестве.

В угоду «картинке», создаваемой в голове читателя, Булдаков нарочито создает образы чрезмерной жестокости: «Поражало ожесточение восставших. ... жертвы расправ чаще погибали от рубленых и огнестрельных ран головы, штыковых ран в область живота и груди»¹⁹. С тезисом о шокирующей жестокости этих расправ едва ли можно согласиться — ведь такие раны наносились солдатами, профессионально обученными штыковому бою, обращению с холодным оружием и стрельбе, а значит, жертвы не подвергались каким-либо намеренным истязаниям. Автор продолжает нагнетать ощущение жестокости, используя и неординарные примеры. Таково, например, описание убийства генерал-майора П.А. Носкова, названное «жуткой кровавой акцией». Булдаков утверждает, что это убийство «отдавало жуткой символикой» — ведь «генерала вызвали солдаты “для объяснений”», едва он успел

17 Там же. С. 51.

18 Там же.

19 Там же. С. 69.

открыть рот, чтобы поздороваться, как туда влетела винтовочная пуля»²⁰. Сам автор далее по тексту замечает, что, «возможно, убийство Носкова было связано с тем, что накануне тот вместе с французским полковником убеждал членов полковых комитетов готовить солдат к предстоящему наступлению», таким образом, погибший не был случайной жертвой, а фронтовики не были подвержены эмоциональности. Последние действовали по согласованному плану, целью которого было спасение собственных жизней.

В книге Булдаков конструирует и образ революционера. И он также оказывается увязан с эмоциональной сферой. Показательно следующее утверждение автора книги: «Обмороки не только вождей революции, но и их слушателей, действительно, были нередким явлением. Ораторы то и дело впадали в состояние, близкое к трансу, одинаково характерное и для жрецов доисторических времен, и для лидеров тоталитарных сект»²¹. Здесь В. П. Булдаков, конечно, подкрепляет художественный образ «революционера-жреца». Предсказуемо эмоционален и вождь революции — автор постоянно указывает на использование В. И. Лениным приемов и средств, позволяющих ввести в заблуждение и склонить людей на свою сторону с помощью ложных теоретических рассуждений, основанных на логических ошибках («Ленин инстинктивно отверг логику своего рационального времени ради логики торжествующего хаоса»²²).

Вообще логика не дает покоя автору на протяжении всей книги, он всячески пытается дискредитировать ее перед читателем и указать на то, что на самом деле все события 1917 г. происходили хаотично и эмоции были здесь главной движущей силой. При этом в доказательство своих слов В. П. Булдаков приводит воспоминания сатирика А. Т. Аверченко. «Он посетил ряд ми-

20 Там же. С. 123.

21 Там же. С. 93.

22 Там же. С. 237.

тингов и выявил, что в основе речей большевистских ораторов лежит единая матрица: с помощью искусственной логической цепочки у слушателя вызывалась нужная эмоциональная реакция. Аверченко описывал это так: поначалу следовало произнести какую-нибудь общеизвестную банальность: “Волга впадает в Каспийское море”; затем подпустить сомнение: “Справедливо ли это?”; наконец, прояснить вопрос: “Пролетарская Волга впадает в буржуазное Каспийское море”. После этого можно было декларировать: “Довольно многострадальной Волге питать разжиревшее Каспийское море!.. Да здравствует самоопределение Волги, да здравствует Третий Интернационал!” Увы, это было действительно так: логика идейных революционеров резонировала с психозом “обиженных” людей²³. При всей меткости высказываний Аверченко достаточно ли нам для понимания политической риторики большевиков указания на то, что она «резонировала с психозом “обиженных” людей»? И почему искусственная логика, помноженная на банальность, рождала отклик? Очевидно, все существенно сложнее, чем полагает автор. Впрочем, в литературе, которую Булдаков не использует, ответы на эти вопросы есть²⁴.

Порой автор делает бездоказательные выводы. Рассуждения о процессах начала XX в. сопровождаются тезисами о возможности оценки развития российского общества через анализ роста коллективной эмоциональности: «Увеличивалось количество людей с замутненным сознанием и спутанными страстями. Возросла “стадная” эмоциональность, а заодно и безрассуд-

23 Там же. С. 239.

24 См, например: Болтунова Е. М., Лаптев А. К., Ломов Н. А. Каторга и рождение новой политической риторики: анализ корпуса писем политических заключенных начала XX века // Имагология и компаративистика. 2023. № 20. С. 294-314; Карпи Г. Политический язык Ленина. Идиома «партийность» // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 38-60; Калинин И. А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605-617.

ность человека толпы»²⁵. Текст изобилует оценочными выражениями, которые отражают отношение автора к изучаемым событиям: «управленческий психоз»²⁶, «психология корпоративного эгоизма»²⁷, «крайне размытое умственное состояние»²⁸, «вирус саморазрушения»²⁹, «розоватый туман людских эмоций»³⁰. Отдельные выражения теряют всякий смысл, если рассматривать их в отрыве от художественных образов в книге, — например, «новые (подпольные) российские верхи оказались в губительной власти старых революционно-утопических самообольщений»³¹ или «массы погружались в пучину иррациональной ненависти»³². Понять, что имеет в виду автор, невозможно, как и невозможно уловить причинно-следственную связь отдельных тезисов. Так, в одной из глав В. П. Булдаков пишет: «Теоретические абстракции, непостижимым образом взаимодействуя с человеческими страстями, издавна подменяли собой в умах интеллигенции живую действительность. В годы революции это приняло крайние формы. Тем самым нагнетался ее трагический исход»³³. Как автор приходит к такому выводу? Каким образом непостижимость, о который он говорит, может быть оценена? Схожие суждения встречаются и далее. Например, рассуждения, что «за антибольшевистскими силами стояла слабеющая инерция сомнительного порядка, а за их противниками — энергия растущего хаоса»³⁴.

В заключение книги В. П. Булдаков и вовсе приходит к выводам, близким к области конспирологии: «Фактор “психического заражения” масс отрицать невозможно — нечто подобное описы-

25 Булдаков В. П. Страсти революции. С. 10.

26 Там же. С. 18.

27 Там же. С. 41.

28 Там же. С. 59.

29 Там же. С. 60.

30 Там же. С. 198.

31 Там же. С. 112.

32 Там же. С. 204.

33 Там же. С. 119.

34 Там же. С. 256.

вали во все времена... Мало кто возьмется отрицать, что генетический материал русской революции запрятан в глубине веков, и особенности взаимоотношений власти и народа складывались на протяжении столетий»³⁵. Итоговый вывод работы сводится к тому, что «русский бунт, вырядившийся в европейские революционные одежды, не произвел ничего, кроме того болезненного выворачивания людских душ, о котором так хочется забыть»³⁶.

По сути, автор пытается рассказать «свою историю эмоционального хаоса» и крайне непрофессионально подходит к главному объекту исследования — эмоциям. Булдаков рассматривает их как нечто само собой разумеющееся, причем как для самого автора, так и для его читателя. На протяжении всей книги он избегает характеристики природы эмоций и их роли в социуме. Эмоции в книге превращаются в страсти, а те — в энергию, единое и будто бы понятное любому человеку эмоционально-иррациональное пространство. Последнее же объясняет всё и вся. Эмоции у В.П. Булдакова описываются словами Иосифа Бродского — «одинокие невротики могли провоцировать массовые психозы»³⁷. Большого, например, обращения к научной составляющей, как кажется, автору и не надо.

Книга представляет собой набор очевидных штампов, а также научно-популярных (если не конспирологических) клише, одобренных достаточно широкой выборкой цитат из источников личного происхождения. Попытка Булдакова доказать, что у толпы есть эмоции, которые обостряются и радикализируются в кризисные периоды, выглядит довольно наивно. Об этом давно известно. Ведь история эмоций — это достаточно разработанное, активно растущее исследовательское поле, о существовании которого автор не знает.

Булдаков отвечает на все вопросы об эмоциях в истории на уровне аксиомы, выведенной к тому же из личной рефлексии.

35 Там же. С. 278.

36 Там же. С. 279.

37 Там же. С. 62.

А значит, книга может быть интересна лишь для понимания, в какую непроходимую чашу может завести исследователя выбранная им тропа, если он перестает смотреть по сторонам в поисках ориентиров и товарищей по ремеслу или, что еще хуже, решит целенаправленно их игнорировать.

Литература

1. Болтунова Е. М., Лаптев А. К., Ломов Н. А. Каторга и рождение новой политической риторики: анализ корпуса писем политических заключенных начала XX века // Имагология и компаративистика. 2023. № 20. С. 294-314.
2. Булдаков В. П. Слухи, эмоции, большевизм // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 3. С. 5-21.
3. Булдаков В. П. Утопия, агрессия, власть. Психосоциальная динамика постреволюционного времени. Россия, 1920-1930. М.: РОССПЭН, 2012. 759 с.
4. Булдаков В. П. Эмоциональные нарративы Гражданской войны в России (провинциальная газетная поэзия, 1918-1920 гг.) // Гражданская война в России. Жизнь в эпоху социальных экспериментов и военных испытаний, 1917-1922. СПб.: Нестор-История, 2020. С. 321-336.
5. Калинин И. А. Как сделан язык Ленина: материал истории и прием идеологии // Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература. 2018. № 15 (4). С. 605-617.
6. Карпи Г. Политический язык Ленина. Идиома «партийность» // Новое литературное обозрение. 2021. № 5 (171). С. 38-60;
7. Плампер Я. История эмоций. М.: Новое литературное обозрение, 2018. 568 с.
8. Ortony A. Are All “Basic Emotions” Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct // Perspectives on Psychological Science. 2021. Vol. 17. № 2. P. 1-21.

9. Reddy W. The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. 297 p.
10. Rosenwein B. H. Worrying about Emotions in History/The American Historical Review. Vol. 107. № 3. 2002. P. 821-845.

References

1. Boltunova, E. M, Laptev, A. K, Lomov, N. A. (2023) "Katorga i rozhdenie novoy politicheskoy ritoriki: analiz korpusa pisem politicheskikh zaklyuchennykh nachala XX veka" [Penal Servitude and the Birth of a New Political Rhetoric: An Analysis of a Corpus of Letters from Political Prisoners in the Early 20th Century], *Imagologiya i komparativistika*, 20, pp. 294-314.
2. Buldakov, V. P. (2023) "Sluhi, emocii, bol'shevizm" ["Rumors, emotions, Bolshevism"], *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya*, 3, pp. 5-21.
3. Buldakov, V. P. (2012) *Utopiya, agressiya, vlast'. Psihosocial'naya dinamika postrevolyutsionnogo vremeni* [Utopia, aggression, power. Psychosocial dynamics of the post-revolutionary time]. Moscow: ROSSPEN.
4. Buldakov, V. P. (2020) *Emotsional'nye narrativy Grazhdanskoy voyny v Rossii (provintsial'naya gazetnaya poeziya, 1918-1920 gg.) / Grazhdanskaya voyna v Rossii. Zhizn' v epohu sotsial'nykh eksperimentov i voennykh ispytaniy, 1917-1922* [Emotional Narratives of the Russian Civil War (Provincial Newspaper Poetry, 1918-1920) / The Russian Civil War. Life in the Era of Social Experiments and Military Trials, 1917-1922]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
5. Kalinin, I. A. (2018) "Kak sdelan yazyk Lenina: material istorii i priem ideologii" ["How Lenin's Language Is Made: The Material of History and the Method of Ideology"], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Yazyk i literatura*, 15 (4), pp. 605-617.
6. Karpi, G. (2021) "Politicheskiy yazyk Lenina. Idioma 'partynost'" ["Lenin's Political Language. The Idiom 'Partyism'"], *Novoe literaturnoe obozrenie*, 5 (171), pp. 38-60.

7. Plamper, Ya. (2018) *Istoriya emotsiy* [*History of emotions*]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
8. Ortony, A. (2021) “Are All ‘Basic Emotions’ Emotions? A Problem for the (Basic) Emotions Construct”, *Perspectives on Psychological Science*, 17 (2), pp. 1-21.
9. Reddy, W. (2001) *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge: Cambridge University Press.
10. Rosenwein, B. H. (2002) “Worrying about Emotions in History”, *The American Historical Review*, 107 (3), pp. 821-845.